

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Художественное оформление серии *П. Петрова*

Метлицкая, Мария.

М54 Машкино счастье : рассказы / Мария Метлицкая. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-094154-4

Почему одни счастливы, а другие несчастны?

И вообще — что такое счастье? Кто-то довольствуется малым — и счастлив.

Кто-то стремится к недостижимому и всегда несчастен.

Среди героев этой книги есть и те, и другие.

Наверное, дело в том, что счастливые вовремя осознали: жизнь — не борьба, а награда.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094154-4 © Метлицкая М., 2018
© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Жить, чтобы жить

Катя прибилась к нашей семье в далеких шестидесятых, когда наша бабушка была еще вполне в силе, родители были молоды и здоровы и снимали большую, старую и уютную дачу в Ильинском. На даче, конечно же, настояла бабушка. Допустить, чтобы все пыльное московское лето девочки провели в городе, она не могла. Все бытовые невзгоды бабушка сносила, впрочем, как и все остальное, мужественно. Ради одного святого дела — девочки должны быть на свежем воздухе.

В те годы, правда, с большим трудом, но все же можно было найти молочницу — коров тогда еще держали и в ближнем Подмосковье. Все лето мы с сестрой пили теплое парное (брр-р!) молоко и ели свежие, только из-под курицы яйца. Бабушка четко следовала программе: главное — здоровье детей, восстановить его всеми силами, невзирая на равнодушные молодых и бестолковых родителей и воз-

ражения собственно детей. В детстве мы с сестрой были еще очень дружны — да что за разница в один год! Это потом у нас появились разные интересы и разные взгляды на жизнь. А в те годы у нас еще были общие куклы, маленькие алюминиевые мисочки и кастрюльки, в которых мы с упоением варили щи из подорожника и компот из рябины. Среди кукол у нас тоже были свои фаворитки. Я, например, больше любила кудрявую и розовую «немку», блондинку Зосю, а сестра выбрала брюнетку Элеонору, умевшую пищать невнятное «мама», если ее сильно опрокинуть назад. На даче, конечно, был абсолютный рай: целыми днями мы играли в старом, почти заброшенном саду, и бабушка нас звала только на обед, после которого следовал обеденный отдых, с обязательной книжкой, потом компот с печеньем — и мы опять на свободе. Теперь уже до самого ужина.

Хозяйка дачи приезжала только раз в месяц — за деньгами. Родители появлялись в пятницу вечером, после работы. В общем, всю неделю — свобода. Хотя за калитку нас не выпускали, мало ли что? Но когда игры и кукольные обеды нам смертельно надоедали, мы висели на шатком заборе и приставали к прохожим. Тогда мы и познакомились с Катей.

Сначала мы увидели, как маленькая девочка с трудом тащит большой оранжевый, в белый горох, бидон, и, конечно, поинтересовались его содержимым. Девочка остановилась, поставила бидон на землю, тяжело вздохнула и объяснила нам, что в бидоне подсолнечное масло. Еще она сказала, что зовут ее Катей и что живет она в поселке постоянно, круглый год, с бабушкой. А родителей ее «черти носят по свету». Мы слушали все это открыв рты. Особенно про «черти носят». И пригласили Катю в гости. Она кивнула и деловито сказала, что сейчас отнесет бидон, а то «заругается бабка». И еще ей надо покормить кур и подмести избу, а уж потом, после всех этих важных дел, она может и зайти к нам. Такое количество дел и важный и обстоятельный Катин тон вызвали у нас, у праздных бездельниц, безграничное уважение. Мы слезли с забора и с жаром принялись обсуждать нашу новую знакомую. Во-первых, бабушку она называет бабкой. Мы сделали выводы. Старуха эта наверняка очень злобная. Да и к тому же как она эксплуатирует бедную сироту! Во-вторых, мы отчаянно позавидовали Катинной свободе. Нас на станцию одних не пускали. А сколько там было всего интересного... Крошечный рынок под ветхим навесом, где бабульки в платочках

продавали мелкую морковку с зелеными хвостиками, большие, мятые соленые огурцы и семечки в кульках. А страшного вида мужики раскладывали на газете кучками мелкую серебристую рыбешку — плотву и карасей. Кучка — рубль. Бабушка покупала эту «мелочь» и жарила рыбку к приезду родителей. Отец ее обожал и называл «сухарики». К тому же на станции был длинный стеклянный магазин с названием «Товары повседневного спроса». Спрос тех времен был невелик, но даже эти скудные и убогие прилавки казались нам с сестрой сказочным царством — безвкусные заколки, расчесочки, убогие пуговицы, капроновые и атласные ленты, грубые толстые чашки, нелепые пластмассовые игрушки, пыльные ковровые дорожки, аляповатые кастрюли, блеклые торшеры на тонких ногах. И мы обязательно каючили и что-то выпрашивали у бабушки — заколку, которая ломалась через полчаса, или резиновый мячик, который умудрялись потерять в тот же день. Еще на станции стояла круглая, с облупившейся на боках желтой краской бочка с квасом и рядом тележка с мороженым. Мы выклянчивали у бабушки эскимо на палочке в серебристой обертке и, конечно, выпивали по большой граненой стеклянной кружке кваса. От кваса наши детские

животы раздувались, как воздушные шары, и мы были счастливы. Но бабушка ходила на станцию редко, ворча, что это мы бездельницы, а у нее и так дел невпроворот.

Катя пришла к нам в тот же день, как и обещала, спустя пару часов. Маленькая, крепкая, на плотных не по-детски ногах, с серыми, мышиными волосиками в хвост и редкой челкой. В блеклом, застиранном ситцевом платице и потертых босоножках на босу ногу. Бабушка пристально оглядела Катю и, тяжело вздохнув — было время обеда, — позвала ее за стол.

Катя не отказалась, «спасибо» не сказала, а только с достоинством кивнула и удобно уселась на табуретку, жадно пожирая глазами стол. На столе стоял обычный для нас обед: винегрет, тертая морковь с яблоками, холодный борщ и котлеты с картошкой.

— Праздник у вас? День рождения? — спросила Катя.

Мы удивились и переглянулись.

— Почему праздник?

— На буднях так питаетесь? — теперь удивилась Катя.

Мы недоуменно переглянулись, а бабушка опять тяжело вздохнула.

После киселя с печеньем мы пошли в сад, где отец построил нам маленький шалаш из

досок и веток. Там у нас стояли стол с низкой скамеечкой, детская игрушечная плита и две кукольные кровати. Катя вытащила из кроватей Зосю и Элеонору, долго трогала их блестящие синтетические волосы, поднимала им платья, с удивлением разглядывала кружевные кукольные трусики и резиновые туфельки с носочками. Мы начали играть. Катя со всем соглашалась, подчинялась нам и выполняла все поручения, которые строгим голосом диктовала ей моя старшая сестра. А потом бабушка позвала нас читать.

Читали мы сначала по очереди вслух, а потом еще час — про себя.

— Я вас в саду подожду, — предложила Катя, не выпуская кукол из рук. Она, видимо, представила, как она будет два часа полноправной хозяйкой в шалаше в наше отсутствие.

Но бабушка сказала строго:

— Иди, Катя, домой.

— Завтра придешь? — с надеждой спросила она.

Мы с сестрой растерянно переглянулись. С Катей нам было совершенно неинтересно, и к тому же вполне хватало общества друг друга. Но разве мы, благовоспитанные девочки, могли ответить «нет»?

— Странная какая-то, — обсуждали мы Катю перед сном, лежа в кроватях.

— И вообще, зачем она нам нужна? — вредничала сестра. Она с детства уже была прагматична.

— Пусть ходит, — милостиво разрешила я. — Жалко ее как-то.

И Катя стала приходить к нам с завидным постоянством. Просовывая крепкую маленькую ладонь в щель забора, она сама открывала калитку и, если мы были заняты, тихо сидела в саду на скамеечке и ждала нас. Однажды мы застали ее в нашем шалаше — она играла с куклами, не замечая нас.

— Положи на место, не твое! — крикнула сестра.

Катя вздрогнула и бросила куклу. В глазах у нее появились слезы. Мне стало жалко ее, и я протянула ей свою любимую Зою.

— Хочешь, возьми, — предложила ей я.

— Насовсем? — тихо прошелестела Катя.

Я благородно кивнула. Сестра покрутила пальцем у виска. Катя быстро схватила куклу и бросилась к калитке, видимо, боясь, что я передумаю. К нам она не приходила три дня. На выходные приехали родители. Сестра рассказала им про куклу. Бабушка возмущалась, а мама отмахнулась: мол, оставьте ее в покое. За

что ее ругать? За благородный человеческий порыв?

Отец, правда, тоже был согласен с бабушкой и объяснял мне, что все наши вещи куплены на родительские деньги и уж, по крайней мере, советоваться мы со взрослыми должны. Зачем они сыпали соль на мою рану? Я и так не спала по ночам, вспоминая мою прекрасную белокурую Зосю.

Господи, сколько потом я всего теряла в своей жизни! Но, пожалуй, ничего мне так не было жаль, как ту глупую немецкую резиновую куклу.

Катя ходила к нам все лето. Она рассказывала страшные истории про своих «непутевых» родителей, завербовавшихся на Север за «длинным рублем», любящих выпить и повеселиться. Про дядьку-алкаша, гонявшего свою бедную семью с топором по двору, про соседку Нинку, которая «дает» за стакан.

— Что дает? — спросили мы.

— То самое, — коротко ответила Катя.

Про «то самое» мы спросить уже не решились, видимо, постеснявшись своей безграмотности.

Все это было для нас и непонятно, и ново и вызывало какой-то (мы чувствовали) нехороший интерес. Катю, успевшую нам уже изряд-

но поднадоесть, мы все же принимали и просили рассказать еще что-нибудь. Из области неизвестного. В конце лета мама собрала какие-то наши вещи — платья, кофточки, гольфы. Сложила все это в сумку и отдала Кате. Катя вытащила по очереди вещи из сумки, придирчиво и внимательно осмотрела их, потом все сложила обратно и, гордо кивнув, важно удалилась. Сумка сильно оттягивала ей руку. «Спасибо» она, по-моему, так и не сказала.

— Обстоятельная какая! — смеялась мама. — А вообще-то бедная девочка. Ну в чем она виновата? Кто ее воспитывал?

Тогда я поняла: основная мамина черта — великодушие. Жизнь это впоследствии подтвердила не раз.

Отец тогда, правда, заметил, что подружки у нас могли бы быть и поинтереснее.

Весь год о Кате мы не вспоминали — нам было не до того, а когда снова пришло лето, наша старая знакомая опять возникла. В куклы играть нам было уже неинтересно, да и у нас появилась новая дачная компания. Мальчик Вова, который играл на кларнете, и девочка Нелли, дочь известных художников. Нас уже выпускали за калитку. И на станцию за мороженым мы бегали одни, и в гости к новым друзьям уже тоже ходили без бабушки. А Катя,

Катя оставалась при нас, нашим неотъемлемым придатком, нашим бессловесным пажом, нашей тихой тенью, сопровождавшей нас повсюду. Вроде бы она не особенно мешала, но сильно раздражала — это точно. И своим убогим видом, и вечным усердным молчанием, и, как мы теперь стали понимать, непроходимо глупыми и неприглядными историями. Но она от нас не отлипала, видимо, искренне считая нас своими близкими подругами. Прогнать ее мы уже не могли.

К себе она нас никогда не приглашала, но все же однажды мы заявили к ней сами, без приглашения. Любопытство взяло верх. Мы увидели старый, убогий дом-развалюху, и неопрятный двор, и маленькую неряшливую старуху — ту самую «бабку», и молодую полную женщину в помятом платье, спавшую под яблоней с открытым ртом.

— Мамка загостилась, — смущенно объяснила Катя. И тихонько стала нас выпроваживать.

Постепенно дачу мы полюбили и даже стали бояться, что хозяйка Елена Сергеевна может нам в ней отказать. Но этого, слава Богу, не происходило, и в конце мая мы заезжали опять. Теперь у нас образовалась большая теплая и душевная компания — поездки на велосипедах на озеро, игра в кинга, гитары, песни и,

конечно, романы. Мы с сестрой здорово вытянулись и превратились в самых высоких девочек в классе, даже стеснялись своего роста. Это сейчас он был бы предметом гордости и больших карьерных перспектив, а тогда...

А вот Катя оставалась такой же маленькой, приземистой, только стала как-то еще шире в плечах и полнее в ногах. Теперь мы говорили только о мальчиках, придумывали небылицы и отчаянно выпендривались друг перед другом. Катю это, кажется, совсем не интересовало.

В девятом классе мы отказались от дачи — бабушке это стало не под силу, и нас отправили в лагерь на море. Там все закрутилось с удвоенной силой — свидания, поцелуи, расставания, дружба «навсегда». Но в последнее школьное лето дачу пришлось снять снова — теперь уже больше из-за бабушки, которая после болезни была очень слаба, и уже мы стали ухаживать за ней. А сами мы в даче не нуждались, воспринимая ее теперь почти как наказание — в Москве было, разумеется, гораздо интереснее.

Тогда, в то последнее школьное лето, Катя возникла вновь — коротенькая, почти квадратная, без какого-либо намека на талию. Волосы она теперь коротко стригла, но, тонкие и пря-